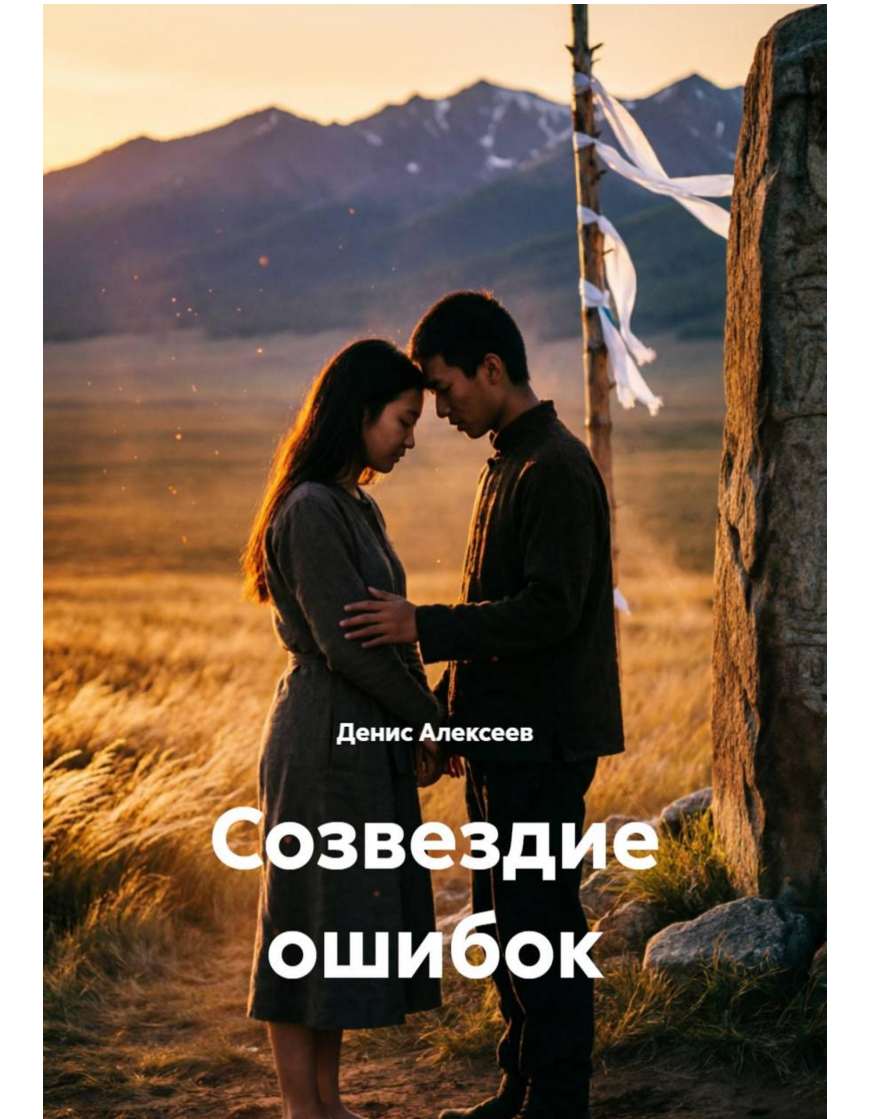

A romantic couple is shown in a close embrace, their foreheads touching, in a vast, open field. The scene is bathed in the warm, golden light of a sunset or sunrise. In the background, a range of mountains with patches of snow is visible under a hazy sky. To the right, a wooden post with white ribbons tied around it stands near a large, rough-hewn stone pillar. The overall mood is intimate and serene.

Денис Алексеев

Созвездие ошибок

Денис Алексеев

Созвездие ошибок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73393718

SelfPub; 2026

Аннотация

Московская студентка Алина приезжает в Хакасию за артефактом для диплома. Местный гид Айдар защищает священные курганы от «копателей с лопатами». Их первая встреча – у каменной стелы Улуг-Хуртуях-Тас: она измеряет её сантиметрами, он слышит в ней дыхание предков.

Она учит его видеть следы времени на камне. Он учит её слушать землю без слов. Между ними – пропасть непонимания, разрыв из-за раскопок и три дня молчания. Но ошибки, как звёзды, складываются в созвездие. И по нему можно найти путь домой.

История о том, как археология и традиция учатся жить вместе. Где самый ценный артефакт – не в земле, а между двумя людьми, научившимися слушать одну степь.

Хакасия. Археология. Любовь без лопат.

Содержание

Пролог. Там, где земля дышит	4
Глава 1. Пыль степи	8
Глава 2. Каменная бабушка	15
Глава 3. Чалан на ветру	22
Интерлюдия 1. Ночь у костра	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Денис Алексеев

Созвездие ошибок

Пролог. Там, где земля дышит

Степь помнит всё.

Она помнит шаги охотника пять тысячелетий назад – лёгкие, осторожные, с копьём в правой руке и молитвой на губах. Помнила, как он остановился у этого самого камня, чтобы перевести дух, и оставил на нём отпечаток ладони, влажной от пота. Ветер стёр этот отпечаток за сотню зим. Но земля помнит.

Она помнит слёзы матери, пришедшей сюда триста лет назад с просьбой о возвращении сына с войны. Помнила, как женщина повязала красную ленту на сарчын, как целовала её конец, как утирала слёзы тыльной стороной ладони. Лента истлела к следующей весне. Но земля помнит вкус тех слёз – солёных, как море, которого здесь никогда не было.

Она помнит молчание старика, приходившего сюда каждое утро последние двадцать лет своей жизни. Он не просил ничего. Просто сидел на этом камне, смотрел на восход и дышал вместе со степью. Когда он умер, его дух не улетел к звёздам. Он остался здесь – в шелесте полыни, в запахе дождя над горой, в тишине между ударами сердца.

Земля помнит всё. Но она не хранит обиды. Она ждёт.
Ждёт тех, кто умеет слушать.

Сегодня она ждёт двоих.

Одного – который знает её язык с рождения. Который читает историю в изгибе тропы, в цвете мха на камне, в направлении ветра над курганом. Он приходит сюда каждое утро, приносит молоко в глиняной чаше, шепчет слова на языке предков. Для него земля – мать. Строгая, но любящая. Та, что кормит, лечит, хоронит. Та, что прощает ошибки, но не забывает их.

Другого – которая ещё не знает, что приедет сюда через три недели. Девушку из города с асфальтом под ногами и картами в голове. Она привезёт с собой лопату, блокнот, фотоаппарат и уверенность, что земля – это книга, которую можно раскрыть и прочесть. Она не знает, что земля не книга. Земля – собеседник. И чтобы услышать её, сначала надо замолчать.

Они встретятся у кургана на рассвете. Она будет смотреть на камни как на объект исследования. Он – как на спящих предков. Она захочет копать. Он скажет «нет». Между ними встанет пропасть – не из земли, а из непонимания. Из страха. Из гордости.

Но пропасть можно перейти.

Не мостом из дерева или камня. Мостом из ошибок.

Первой ошибкой станет её шаг на священную ленту. Второй – его слова у костра: «Вы копаете чужие могилы ради

оценок». Третьей – её «да» профессору с лопатой. Четвёртой – его молчание три дня подряд. Пятой – её бегство в городскую гостиницу. Шестой – его береста с выжженным оленем. Седьмой – их первое совместное молчание у нового сарчына.

Каждая ошибка – как падающая звезда. Одна – мелькнёт и исчезнет. Но много ошибок, собранных вместе, складываются в созвездие. И по этому созвездию можно найти путь домой.

Земля ждёт их ошибок. Не потому что хочет причинить боль. А потому что знает: только через ошибки человек учится слушать. Только через падения – вставать. Только через разрывы – находить целое.

Сегодня вечером над степью вспыхнет падающая звезда. Короткая вспышка в бескрайней тьме. Кто-то загадает желание. Кто-то вспомнит умершего. Кто-то просто поднимет голову и увидит свет в темноте.

А земля будет дышать.

Медленно. Глубоко. Как спящий великан.

Она ждёт.

Не их прихода. Их превращения.

Потому что археология – это не про то, что лежит под землёй. Археология – про то, что происходит между двумя людьми, когда они учатся слушать одну и ту же землю.

Иногда самые ценные находки – не в земле.

А между нами.

Глава 1. Пыль степи

Самолёт коснулся взлётной полосы аэропорта Абакана в десять утра по местному времени. Алина прижала лоб к иллюминатору: вместо привычных московских панельных массивов за стеклом расстилалась бескрайняя зелёная равнина, упирающаяся в сизые горы. Воздух в салоне сменился – исчез привычный запах кондиционера и духов, появился лёгкий аромат тёплой кожи и чего-то травянистого. Она потянулась за рюкзаком, и пальцы наткнулись на фотографию отца: улыбается на фоне раскопок под Новгородом, в руках – черепок глиняного горшка. «Найди свой первый артефакт, Лина», – написал он на обороте перед смертью. Через полгода она поступила на археологию.

За окном автобуса Абакан оказался не городом, а скорее большим посёлком с широкими улицами и редкими пятиэтажками. Никаких небоскрёбов, никакого метро под ногами – только солнце, слепящее даже сквозь тонированные стёкла, и ощущение, будто земля здесь ближе к небу. Водитель свернул с асфальта на грунтовку, и тело Алины начало подпрыгивать на сиденье в такт ухабам. Она сжала ручку рюкзака. В Москве она представляла практику иначе: романтические закаты над древними курганами, умные разговоры у костра, возможно, лёгкий флирт с симпатичным одноклассником. Не эта тряска, не эта пыль, уже вьёвшаяся в

носки и подушечки пальцев.

Через час степь поглотила последние признаки цивилизации. Вокруг – разнотравье, кусты полыни, изредка одинокие берёзы у высохших ручьёв. Воздух за окном пульсировал от зноя. Алина достала телефон: две полосы связи. Сердце сжалось. Она представила маму, сидящую сейчас в прохладной квартире на Таганке, пьющую кофе и читающую новости. А здесь – ни одной вывески, ни одного знакомого звука. Только ветер, шелестящий травой, и где-то вдалеке – крик одинокой птицы.

Лагерь встретил запахом дыма и варёной картошки. Палатки цвета хаки стояли полукругом у подножия горы, чьё название Алина не сразу разобрала на карте – Коль-Тайга. Согласно легенде, которую она прочитала в поезде, это место почиталось хакасами как обитель духов-хозяев. Сейчас гора казалась просто каменной громадой, отбрасывающей длинную тень на жёлтую траву. Рядом с палатками дымились костры, над ними – котелки на треногах. Девушка в косынке и выцветшей футболке подошла первой.

– Ты Алина? Из Москвы? – спросила она, вытирая руки о штаны. – Я Катя, староста отряда. Вот твоя палатка, соседка ещё не приехала. Вечером соберёмся, познакомишься со всеми.

Алина кивнула, разворачивая спальный мешок. Внутри пахло плесенью и чужим потом. Она сглотнула ком в горле. За два часа до этого она сидела в московском кафе, пила лат-

те и листала учебник по методике раскопок. Теперь её домом на ближайший месяц стал этот треугольник ткани под палящим солнцем Хакасии.

– Первый раз в степи? – Катя присела на корточки у входа.

– Первый раз за Уралом, если честно.

Катя усмехнулась:

– Привыкнешь. Главное – не пить много воды сразу. И не ходи к курганам без проводника. Местные не любят, когда чужаки копаются без спроса.

– Почему?

– Говорят, это спящие предки. А мы – студенты с лопатами. Конфликт интересов.

Алина пожалала плечами. Спящие предки – поэтично, но для диплома нужны не легенды, а факты. Керамика, кости, металлические предметы – всё, что поможет написать работу о погребальных обрядах тагарской культуры. Научный руководитель был чётко: «Без уникальной находки не жди пятёрки».

К полудню жара стала невыносимой. Алина вышла из палатки, надеясь найти тень. Воздух дрожал над землёй, как над раскалённой плитой. Она достала бутылку воды, но та оказалась тёплой и приторной. В горле пересохло. Где-то впереди, у подножия Коль-Тайги, виднелся холм – явно искусственного происхождения. Курган. Сердце забилося чаще. Это мог быть её шанс.

Она пошла, стараясь ступать осторожно по колючей тра-

ве. Кроссовки моментально покрылись пылью цвета охры. С каждым шагом городская жизнь отступала: не стало звука машин, голосов, музыки из наушников. Осталось только собственное дыхание и шорох ветра. Алина достала фотоаппарат – сняла холм с разных ракурсов, мысленно отмечая места, где можно начать шурф. Здесь, у восточного склона, почва казалась мягче.

– Стой.

Голос прозвучал тихо, но так резко, что Алина вздрогнула. Она обернулась.

Молодой человек стоял в десяти шагах, прислонившись к стволу чахлой берёзы. Высокий, загорелый до темноты кожи, в простой белой рубашке с закатанными рукавами и потёртых штанах. Волосы цвета воронова крыла были собраны в короткий хвост. В руках – посох из тёмного дерева, перевитый ремешками. Его глаза – тёмные, почти чёрные – смотрели не на Алину, а на её ноги, стоящие слишком близко к насыпи.

– Это место нельзя трогать, – сказал он. Голос был низким, без злобы, но твёрдым, как камень под ногами.

– Я... я не собиралась копать. Просто осматриваю.

– Осматривать тоже нужно спросить.

Он подошёл ближе. Алина почувствовала запах – не пота, как она ожидала, а чего-то древесного, смешанного с полынью. Запах степи, впитанный в кожу.

– Ты студентка? – спросил он.

– Алина. Археологический факультет. Москва.

– Айдар. Я провожу практикантов по маршрутам. Но не сюда.

Он кивнул на курган. Алина проследила за его взглядом и заметила то, чего не видела раньше: у основания холма, на кусте саксаула, развевалась красная лента. Тонкая, выцветшая от солнца, но явно недавно повязанная. Ветер трепал её конец, и лента походила на раненую птицу, пытающуюся взлететь.

– Что это? – спросила Алина.

– Чалан. Лента с просьбой. Кто-то приходил сюда просить у предков защиты для ребёнка. Или здоровья для матери. А ты стояла прямо над этим местом.

Щёки Алины залились жаром. Она отступила на шаг, чувствуя себя грабительницей.

– Я не знала...

– Откуда тебе знать? – Айдар не улыбнулся, но в его голосе пропала жёсткость. – Вы приезжаете сюда с лопатами и блокнотами. Думаете, земля – это книга, которую можно раскрыть и прочитать. Но здесь каждая травинка что-то помнит. Каждый камень – свидетель.

– Археология не про грабёж, – возразила Алина, чувствуя, как голос дрожит от обиды. – Это про память. Про то, чтобы люди не забыли своих предков.

– Чьих предков? Твоих московских? Или тех, чьи кости лежат под этим холмом?

Он не ждал ответа. Повернулся и пошёл прочь, но через несколько шагов остановился.

– В лагере закончилась вода. Возьми мою.

Он протянул флягу из потемневшего металла. Алина потянулась за ней. Их пальцы соприкоснулись – его кожа была шершавой, тёплой, покрытой мелкими шрамами. Мгновение. Она почувствовала лёгкий ток, как от статического электричества в сухом воздухе. Выдернула руку, схватила флягу.

– Спасибо.

Айдар кивнул и ушёл, растворившись в мареве над степью. Алина осталась одна у кургана. Раскрутила крышку фляги – внутри плескалась прохладная вода с привкусом железа. Она сделала глоток. Вода была вкуснее любого латте в московском кафе.

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая степь в медовые тона. Алина смотрела на красную ленту-чалан. Ветер усилился, и лента взметнулась вверх, будто зовя её за собой. Она вспомнила отца: «Археология – это диалог с прошлым, Лина. Но сначала надо научиться слушать».

Она так и не поняла, чью просьбу несла эта лента. Чей ребёнок нуждался в защите? Чья мать – в исцелении? И главное – имела ли она право стоять здесь, с фотоаппаратом в руках и жаждой открытия в груди, когда для кого-то этот холм был не объектом исследования, а живым существом?

Алина повернулась к лагерю. Впереди маячили огни кост-

ров и силуэты палаток. Но теперь ей казалось, что она уходит не от кургана, а от чего-то важного, что только начала замечать. Пыль степи осела на её руках, волосах, одежде. Она не стряхивала её. Пусть остаётся. Это была первая примета нового мира – мира, где камни дышат, а ленты говорят за тех, кто не может говорить сам.

Ночью, лёжа в палатке под шум ветра, Алина достала блокнот. На чистой странице написала: «Курган у Коль-Тайги. Красная лента. Айдар». Помедлила, затем добавила: «Он прав. Я не спросила». Закрыла блокнот. За стенкой палатки кто-то тихо играл на гитаре, пели незнакомые слова на незнакомом языке. Алина закрыла глаза и представила, как завтра утром снова пойдёт к кургану. Но на этот раз – не с лопатой. А с вопросом.

Глава 2. Каменная бабушка

Рассвет пришёл не постепенно, а ударом – солнце выскочило из-за горы Коль-Тайга, и степь вспыхнула золотом. Алина проснулась от холода: ночная свежесть впивалась в кожу даже сквозь спальный мешок. Рядом храпела Катя, прижав к груди потрёпанную книгу. Алина выбралась из палатки на цыпочках. Воздух пах росой и дымом от вчерашнего костра. На востоке, над гребнем сопки, медленно поднимался орёл – чёрная точка на фоне розового неба.

– Видишь? – голос Айдара заставил её вздрогнуть. Он стоял у кострища, разгребая пепел тонкой палкой. – Орёл кружит над Улуг-Хуртуях-Тас. Значит, духи сегодня благосклонны.

– Куда мы идём? – спросила Алина, натягивая куртку.

– Туда, где начинается память хакасов. Не та, что в ваших музеях под стеклом. А живая.

Он протянул ей кружку с парным молоком. Алина приняла, их пальцы не соприкоснулись – Айдар держал кружку за край, будто боясь оставить след. Она сделала глоток: молоко было тёплым, с привкусом дыма и чего-то сладковатого, незнакомого.

К полудню отряд собрался у развилки троп. Двенадцать студентов в одинаковых кепках и кроссовках, рюкзаки с лопатками и щётками, фотоаппараты на шеях. Айдар ждал их

у камня, покрытого мхом. На нём была та же белая рубаша, но сегодня на поясе висел нож в кожаных ножнах с вырезанным узором – олень в прыжке.

– Сегодня пойдём к Улуг-Хуртуях-Тас, – сказал он, не глядя на карты, которые достали студенты. – По-вашему, «Большая каменная старуха». По-нашему – Чер Улуг Эне. Мать всех матерей.

– Это стела окуневской культуры? – оживилась рыжая девушка с веснушками. – Конец третьего тысячелетия до нашей эры? Я читала про неё в «Советской археологии»!

Айдар кивнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на боль.

– Вы называете её стелой. Мы – матерью.

Тропа вела вверх по склону, меж зарослей таволги и низкорослой сосны. Алина шла позади всех, фотографируя каждую деталь: следы копыт на глинистой почве, редкие цветы-эдельвейсы у расщелин, птичьи гнёзда в расщелинах скал. Её пальцы чесались достать блокнот и записать: «Почва – суглинок с примесью ракушечника, вероятно, наносной слой реки Абакан». Но Айдар шёл впереди молча, и его молчание было плотнее любой стены.

Через два часа степь расступилась.

Она стояла на небольшой поляне, окружённая кольцом лиственниц. Высотой с человека, из тёмно-серого камня с прожилками кварца. Антропоморфная стела – грубо высеченные черты лица: два углубления-глаза, прямая линия но-

са, рот, сложенный в вечное молчание. На груди – контур ожерелья из точек, на животе – крест в круге, символ плодородия. Ветер за тысячелетия сгладил острые грани, и теперь камень казался не высеченным, а выросшим из земли – частью её тела.

Студенты замерли. Даже болтливая рыжая замолчала, подняв фотоаппарат.

– Это не памятник, – тихо сказал Айдар. – Это она. Чер Улуг Эне. Мать, которая родила реки, горы, первых людей. Когда пришла засуха, к ней приходили с молоком и мёдом. Когда рождался ребёнок – с просьбой о силе. Она не камень. Она – чрево земли.

Алина достала зеркальный фотоаппарат. Щёлк. Щёлк. Щёлк. Крупный план глаз-углублений. Деталь ожерелья. Общий план с лиственницами на фоне. Она не слышала его слов – слышала только стук затвора и собственное дыхание. Это была находка. Не просто керамика или кость – монументальная скульптура окуневской культуры в первозданном окружении. Её дипломная работа могла начинаться именно здесь.

– Можно потрогать? – спросила одна из девушек, протягивая руку.

– Нельзя, – ответил Айдар. – Её трогают только те, кого она сама зовёт. Или старейшины перед обрядом.

Но Алина уже подошла ближе. Опустилась на колени у основания стелы, достала линейку. Измерила высоту видимой

части – 178 сантиметров. Заметила трещину у левого плеча, вероятно, от морозного растрескивания. Достала блокнот, записала: «Стела Улуг-Хуртуях-Тас. Высота 178 см. Трещина 22 см у левого плеча. Почва у основания утрамбована, следы недавних посещений – углубления от колен».

Она не заметила, как Айдар отошёл к деревьям. Не видела, как он прислонился лбом к стволу лиственницы и закрыл глаза. Не слышала его шёпота на хакасском: «Прости, Эне. Они не знают».

Обратный путь прошёл в тишине. Студенты перешёптывались, обсуждая находку, но Алина шла отдельно, перебирая в голове главы будущего диплома: «Антропоморфные стелы как отражение космогонических представлений окуневской культуры». Она представляла, как научный руководитель кивнёт с одобрением, как статья выйдет в журнале. Гордость распирала грудь.

Вечером у костра запахло варёной рыбой и дымом. Студенты сидели кругом, передавая котелок с ухой. Айдар сидел в стороне, точил нож о камень – ритмичный, размеренный звук металла о камень.

– Расскажи ещё про Мать-Землю, – попросила Катя. – Про то, как к ней обращаются.

Айдар перестал точить. Посмотрел на Алину.

– Раньше к ней приходили с молоком. Сыпали зёрна у подножия. Просили урожая, здоровья, детей. Теперь приходят с фотоаппаратами. С лопатами. Копают могилы предков ради

оценок в дипломе.

Тишина накрыла костёр плотным одеялом. Все взгляды устремились на Алину.

– Это не могилы, – тихо сказала она. – Это памятники культуры. Мы их не грабим. Мы сохраняем. Через пятьдесят лет этот камень может исчезнуть от эрозии. А наши фотографии, замеры, описания – останутся.

– Останется что? – Айдар встал, подошёл к костру. Его лицо плясало в отсветах пламени. – Останутся цифры. Сантиметры. Трещины. Но не останется то, что она чувствует, когда к ней приходит мать с больным ребёнком. Не останется тепло её камня под ладонью старухи, которая пришла попроситься с жизнью. Вы сохраняете тень. А душу – убиваете.

– Мы не убиваем! Мы изучаем!

– Изучать – не значит владеть. Ты измерила её высоту. А спросила ли, хочет ли она, чтобы её измеряли?

Алина сжала кулаки. В горле стоял ком.

– Я не хотела оскорбить...

– Ты не хотела ничего. Ты просто взяла. Как все приезжие.

Он отвернулся и ушёл в темноту. Студенты молчали. Кто-то тихо сказал: «Ну и засранец». Катя покачала головой:

– Не засранец. Просто для него это святое. А для нас – экспонат.

Алина не спала до глубокой ночи. Лежала в палатке, глядя в темноту. В голове крутились его слова: «Ты просто взяла». Она вспомнила, как отец учил её на раскопках под Нов-

городом: «Сначала спроси землю разрешения, Лина. Потом копай». Но здесь, в Хакасии, она забыла этот урок. Увидела артефакт – и забыла про живых людей вокруг.

Под утро она вышла из палатки. Луна висела над Коль-Тайгой, как серебряный серп. Алина подошла к кострищу, где ещё тлели угли. И увидела его.

Айдар сидел на бревне, спиной к лагерю. В руках держал что-то маленькое, круглое. При свете луны Алина разглядела – глиняный диск с отверстием по центру. Амулет. Он водил пальцем по краю, будто читая невидимые знаки.

Она хотела подойти. Извиниться. Но ноги не слушались. Вместо этого она вернулась в палатку и достала блокнот. На чистой странице написала: «Улуг-Хуртуях-Тас. 178 см. Трещина 22 см». Зачеркнула. Написала снова: «Чер Улуг Эне. Мать всех матерей. Не измеряется сантиметрами».

Помедлила. Добавила: «Он прав. Я взяла, не спросив».

Закрыла блокнот. За стенкой палатки Катя тихо плакала – наверное, скучала по парню в Москве. Алина закрыла глаза и представила каменную стелу под луной. Представила, как к ней приходит старуха с молоком в глиняном горшке. Как прикладывает ладонь к холодному камню и шепчет просьбу. И впервые поняла: некоторые вещи нельзя измерить. Их можно только почувствовать.

Утром Айдар пришёл к отряду с двумя ведрами воды. Не посмотрел на Алину. Просто поставил вёдра у кострища и сказал:

– Сегодня идём к озеру. Там петроглифы. Но сначала вымоете руки. Чистыми прикасаться к камням предков.

Алина подошла к ведру первой. Опустила руки в холодную воду. Стала тереть ладони, пока кожа не покраснела. Пока не сошла вся пыль, вся степная грязь. Пока не почувствовала, что руки чисты не только снаружи.

Когда она подняла голову, Айдар смотрел на неё. В его глазах не было гнева. Было что-то другое – ожидание. Или надежда.

Она кивнула. Он кивнул в ответ.

И этого было достаточно.

Глава 3. Чалан на ветру

Утро началось с тумана. Серая пелена накрыла лагерь, скрыв гору Коль-Тайга и даже ближайшие кусты полыни. Алина вышла из палатки в джинсах и свитере – ночная прохлада не отступила даже к восьми часам. У кострища Айдар уже грел руки над угольями. Он кивнул, не глядя на неё. Она кивнула в ответ. Молчание между ними стало плотным, как туман над степью.

– Сегодня к озеру, – сказал он, подкладывая в огонь сухую ветку. – Там камни с рисунками. Петроглифы.

– Я читала про Оглахтинские петроглифы. Это к ним идём?

– Не к ним. К нашим. Маленьким. Там никто не ходит. Только местные.

Он поднял глаза. Впервые за два дня посмотрел прямо на неё.

– Но сначала правило. Если увидишь дерево с лентами – не подходи близко. Не трогай. Просто пройди мимо и помолись про себя за того, кто повязал.

– Как помолиться?

– Как умеешь. Мы говорим: «Алгыс сагын» – благодарю тебя. Но можно и по-своему.

Туман начал редеть к девяти утра. Солнце пробилось сквозь серую завесу, и степь вспыхнула изумрудом – мок-

рая трава сверкала каплями росы. Алина шла позади Айдар, считая его шаги. Он двигался иначе, чем москвичи: ступал мягко, почти бесшумно, будто земля узнавала его ноги и принимала без сопротивления. Она же шаркала кроссовками, поднимая мелкую пыль и спугивая кузнечиков.

Через час тропа вывела их к ручью. Вода бежала меж камней цвета мокрого серебра. Айдар остановился у дерева на берегу – старой лиственницы с раскидистыми ветвями. На её стволе, на высоте человеческого роста, висели ленты. Красные, синие, белые. Некоторые выцвели до белизны, другие ещё хранили яркость красок. Ветер трепал их концы, и ленты шелестели, как страницы древней книги.

– Сарчын, – тихо сказал Айдар. – Священная коновязь. Здесь духи слушают просьбы.

Он подошёл ближе, достал из кармана узкую ленту цвета спелой вишни. Молча повязал её рядом с другими. Прошептал что-то на хакасском – коротко, без пафоса, как привычную фразу вроде «спасибо» или «до свидания».

Алина замерла в трёх шагах. Хотела спросить, за кого он просил, но язык прилип к нёбу. В этот момент её кроссовок соскользнул на мокром камне. Она пошатнулась – и наступила на край белой ленты, прижав её подошвой к земле.

Тишина ударила сильнее, чем падение.

Айдар обернулся. Его лицо не изменилось – ни гнева, ни удивления. Только тень чего-то древнего, печального. Он подошёл, опустился на одно колено. Осторожно освободил

ленту из-под её ноги. Провёл пальцами по грязному следу на ткани. Затем достал из кармана чистую тряпицу, смочил в ручье и начал оттирать пятно.

Алина стояла, не в силах пошевелиться. Хотела извиниться, но слова казались пустыми. Что может значить «прости» для ленты с чьей-то просьбой к небу?

– Эта лента – от матери, – сказал Айдар, не поднимая глаз. – Она приходила сюда каждую весну, пока жила. Простила здоровья для сына. Для меня.

Он закончил оттирать. Лента осталась пятнистой, но чистой. Айдар перевязал её повыше, где ветер мог свободно играть концом.

– Мать умерла три года назад. Теперь я прихожу вместо неё. Чтобы духи не забыли её голос.

– Я не хотела...

– Я знаю.

Он встал. В его глазах не было упрёка. Было усталое принятие – будто он давно привык, что чужаки не замечают священного под ногами.

– Пойдём. Озеро недалеко.

Они шли молча ещё полчаса. Алина смотрела под ноги – не на пейзаж, не на небо, а именно на землю. Замечала каждую травинку, каждый камешек. Впервые за жизнь она боялась наступить не туда.

Озеро оказалось небольшим – не более ста метров в поперечнике. Вода цвета тёмного янтаря отражала горы и об-

лака. Но главное было не в воде. По берегу тянулась гряда валунов, покрытых рисунками. Люди, олени, солнца с лучами-стрелами, лодки с фигурками внутри. Петроглифы. Возраст в три, а то и пять тысячелетий.

– Садись, – сказал Айдар, указывая на плоский камень у воды. – Смотри. Не фотографируй пока. Просто смотри.

Алина опустилась на камень. Закрыла глаза на миг. Открыла. И увидела.

Не археологический памятник. Не экспонат для диплома. А историю. Охотник с луком преследует оленя – в его позе напряжение, в позе оленя – грация предсмертного скачка. Солнце с лучами в виде стрел – не символ, а мольба о тепле в суровую зиму. Лодка с фигурками – возможно, путешествие душ в иной мир. Каждая линия была выстукана не ради искусства, а ради жизни. Ради выживания. Ради связи с тем, что больше тебя.

– Кто их делал? – спросила она, не отводя глаз от камня.

– Наши предки. Ты называешь их тагарской или окуневской культурой. Мы называем их дедами.

– Почему здесь, у воды?

– Вода помнит. Камень помнит. Всё, что происходит у воды, остаётся в ней навсегда.

Он сел рядом. Не близко – между ними остался ладонный промежуток. Но впервые они смотрели на одно и то же.

– Ты видишь оленя слева? – спросил он. – Заметь, у него сломано левое переднее копыто. Кто-то специально добавил

эту деталь. Может, тот самый охотник однажды подстрелил оленя с повреждённой ногой. И запечатлел свою победу.

Алина наклонилась. Да, копыто искажено – не мастерством резца, а намеренно. Она достала блокнот, но не для замеров. Написала: «Олень с повреждённой ногой. История, а не символ».

– Можно сфотографировать?

– Можно. Но сначала скажи спасибо камню.

Она усмехнулась – нервно, неуверенно. Но коснулась ладонью холодного камня.

– Спасибо.

Щёлкнул затвор. Фотография получилась размытой – рука дрожала. Но Алина не стала переснимать. Эта размытость была честнее любой чёткой картинки.

Обратный путь лежал через аал – небольшое селение у подножия горы. Дома из брёвен с резными наличниками, ограды из жердей, запах дыма и вяленой рыбы. У развилки дорог стоял старик в тёмной рубаше и шапке-ушанке, несмотря на тепло. Лицо изборождено морщинами, как кора векового дерева. В руках – посох с вырезанным оленем у набалдашника.

Айдар остановился. Склонил голову.

– Ата, – сказал он. – Это Алина. Из Москвы. Приехала учиться у земли.

Старик посмотрел на Алину. Его глаза были мутными, почти белыми – видимо, катаракта. Но взгляд ощущался фи-

зически, как прикосновение.

– Изен, – произнёс он.

Одно слово. Короткое. Но в нём было больше, чем в десятке фраз Айдара. Принятие. Признание. Добро пожаловать.

– Изен, – повторила Алина, вспомнив утреннее правило.

Старик кивнул. Потянулся к её руке, взял ладонь в свои шершавые ладони. Подержал мгновение. Отпустил.

– Земля примет тебя, если ты примешь её, – сказал он по-русски, с густым акцентом. – Не бери. Прими.

Он повернулся и пошёл прочь, опираясь на посох. Айдар смотрел ему вслед.

– Это Семён Семёнович. Старейшина нашего аала. Говорит по-русски с войны. Воевал под Сталинградом.

– Он сказал «прими»...

– Это главное правило здесь. Ты не можешь взять у земли. Только принять то, что она даёт сама.

В лагере их встретил голодный хор голосов. Студенты уже развели костёр и варили кашу. Катя помахала Алине:

– Эй, москвичка! Говорят, ты у нас теперь повар? Айдар сказал, что ты хочешь приготовить потхы.

Алина покраснела. Она действительно упомянула утром, что хочет попробовать хакасскую кухню. Но не думала, что это станет заданием.

– Потхы – это что? – спросила она у Айдара тихо.

– Сметана с мукой и маслом. Просто. Но вкусно.

На костре уже стоял казан с кипящей водой. Алина отыс-

кала в общем ящике пачку сметаны, муку, кусок сливочного масла. Руки дрожали – она никогда не готовила на открытом огне. Высыпала муку в миску, добавила сметану. Замесила тесто. Слишком густое. Добавила воды. Слишком жидкое. Масло растопила отдельно – оно потемнело, начало гореть.

– Нужно медленнее, – сказал Айдар, наблюдая со стороны. – Сметану добавлять по ложке. Муку – тонкой струйкой.

Но было поздно. Тесто превратилось в сероватую массу с комками. Алина вылила его в кипяток. Потхы стали похожи на клейстер.

Студенты собрались вокруг казана. Кто-то фыркнул. Катя приподняла бровь:

– Ну, попробуем?

Алина зачерпнула половником. Первая ложка оказалась кислой, пресной и слишком густой одновременно. Она поморщилась. Студенты тоже. Но тут Катя фыркнула – коротко, не злобно. Потом рассмеялась. Смех подхватили другие. Скоро над костром стоял хохот.

– Это не потхы, это цемент! – крикнул парень с гитарой.

– Для археологов самое то – будем скреплять керамику!

Алина сначала обиделась. Но потом посмотрела на свою «кашу» – серую, безвкусную, с плавающими комками – и тоже расхохоталась. Смех вырвался из груди неудержимо, с искрами в глазах и слезами на щеках. Она смеялась над собой, над своей неуклюжестью, над тем, как серьёзно относилась к каждому шагу ещё утром.

Айдар стоял в стороне. Но когда Алина подняла на него глаза, он улыбнулся. Не широко – уголки губ чуть приподнялись. Но этого хватило.

– Завтра научу, – сказал он. – Настоящим потхы.

Вечером, когда костёр потух, а студенты разошлись по палаткам, Алина вышла на край лагеря. Села на бревно, глядя на степь. Луна поднялась над Коль-Тайгой, окрашивая траву в серебро. Ветер шелестел полынью. И впервые Алина услышала в этом шелесте не пустоту, а речь. Не музыку для фона, а голос.

Она вспомнила белую ленту под ногой. Слова старейшины: «Прими». Прикосновение Айдара к её ладони утром – осторожное, как к хрупкому артефакту.

Достала блокнот. Написала: «Чалан. Сарчын. Изен. Прими – не бери».

Зачеркнула всё. Написала одно слово: «Слушаю».

Закрыла блокнот. В небе над головой вспыхнула падающая звезда – короткая вспышка, мгновение света в бескрайней тьме. Алина не успела загадать желание. Но впервые за долгое время ей не нужно было желать. Ей было достаточно просто быть здесь – под этим небом, среди этих гор, с пылью степи под ногтями и запахом дыма в волосах.

Где-то в темноте хрустнула ветка. Алина обернулась. Айдар стоял в десяти шагах, держа в руках кружку.

– Молоко, – сказал он. – Тёплое.

Он поставил кружку рядом с ней на бревно. Не сел. Про-

сто постоял мгновение, глядя на звёзды.

– Завтра покажу место, где предки встречали рассвет, – сказал он. – Там виден весь путь солнца от горизонта до зенита.

– Я приду.

– Приходи чистой. Не с лопатой. С собой.

Он ушёл. Алина взяла кружку. Молоко было тёплым, с привкусом травы и чего-то сладкого. Она сделала глоток и почувствовала, как что-то внутри смягчается. Не исчезает напряжение, не растворяется конфликт. Но появляется пространство между ними – место, где можно дышать.

Лента на сарчыне шелестела в темноте. Алина знала: это не ветер. Это кто-то говорит.

Интерлюдия 1. Ночь у костра

После неудачных потхы смех не стихал до заката. Студенты окрестили Алину «цементный повар» и устроили конкурс на самую ужасную шутку про археологов. Кто-то сказал: «Почему археологи плохие любовники? Потому что копают слишком глубоко и слишком долго». Все покатались со смеху. Алина смеялась громче всех – не из вежливости, а потому что впервые за три недели почувствовала: она не чужая.

Когда костёр потух до углей, Катя принесла бутылку самогона. Не магазинного – домашнего, с травами, от старейшины аала. Разлила по кружкам из жести.

– За ошибки, – сказала она, поднимая свою. – Без них мы бы до сих пор думали, что потхы – это каша.

Выпили. Самогон обжёг горло, но внутри разлилось тепло. Кто-то затянул гитару – мелодию без слов, степную, грустную и светлую одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.